

Трудности российского понимания современной немецкой русистики

А. Плате

Для цитирования: Плате А. Трудности российского понимания современной немецкой русистики // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2020. Т. 65. Вып. 4. С. 1326–1335. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu02.2020.419>

Рецензия посвящена одной из глав коллективной монографии «Изучение России современными историками Запада и Востока», выпущенной под редакцией Н. В. Трубниковой в 2019 г. В данной главе проводится анализ состояния современного немецкого «россиеведения». Ее авторы, томские историки В. В. Агеева и М. А. Штанько, ставят перед собой весьма многообещающую цель: в обзоре, охватывающем период 1975–2014 гг., рассмотреть достижения немецкоязычных специалистов по истории России, применяя для их оценки теоретико-методологические критерии вместо более привычных политических. К тому же для реализации своего намерения авторы решили выделить опубликованные в 2005–2014 гг. работы в отдельную группу, что является в отношении периодизации новейшей истории Германии не менее значимым явлением. Однако рецензируемая глава не вполне соответствует заявленному подходу. В реальности глава «Современное немецкое россиеведение: специфика дискурса, тематические поля и процесс институционализации» не выходит за рамки традиционной, отличающейся некой небрежностью компиляции. Авторы (порой беззастенчиво) заимствуют факты, выводы и идеи коллег по цеху, не обращая должного внимания на актуальность приведенных в этих работах данных и временных параметров. Полученные В. В. Агеевой и М. А. Штанько с помощью контент-анализа статистические результаты используются главным образом для утверждения собственных гипотез о развитии немецкой исторической русистики. Ссылки на имена немецких ученых и их произведения пестрят, к сожалению, опечатками и неточностями. В итоге складывается впечатление, что работа создавалась в условиях жестких временных ограничений. Представляется, что именно цейтнот заставил авторов идти легким путем — отказаться от выдвинутых в начале свежих тезисов в угоду подтверждению давно изживших себя клише.

Ключевые слова: историография, россиеведение, зарубежная историческая русистика, немецкая историческая русистика, изучение истории России в Германии, 1975–2014 гг.

Алисе Плате — канд. ист. наук, мл. науч. сотр., Уральский федеральный университет, Российская Федерация, 620083, Екатеринбург, ул. Тургенева, 4; aliceplate@mail.ru

Alice Plate — PhD (History), Junior Researcher, Ural Federal University, 4, ul. Turgenyeva, Yekaterinburg, 620083, Russian Federation; aliceplate@mail.ru

Статья подготовлена в рамках выполнения государственного задания Министерства науки и высшего образования по теме «Региональная идентичность России: компаративные историко-филологические исследования» № FEUZ-2020-0056.

This article was prepared within the framework of the state project of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation “Regional Identity of Russia: Comparative Historical and Philological Studies” (Laboratory for the Study of Primary Sources, Ural Federal University) No. FEUZ-2020-0056.

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2020

For citation: Plate A. A Russian Point of View on German *Rossievedenie*. *Vestnik of Saint Petersburg University. History*, 2020, vol. 65, issue 4, pp. 1326–1335. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu02.2020.419> (In Russian)

This review deals with the chapter about modern Russian Studies in Germany in the collective monograph *“Izuchenie Rossii sovremennymi istorikami Zapada i Vostoka”*, recently published under the editorship of N. V. Trubnikova. Its authors, the Tomsk historians V. V. Ageeva and M. A. Shtanko, have set a promising goal for their research: to approach the German *rossievedenie* in their overview covering the period from 1975 until 2014 with theoretical-methodological criteria instead of the more common in such cases political ones. In order to realize this project, they proposed to divide modern German historiography into three periods, with the latter one which covers the years 2005–2014 being a no less important innovation. However, it fell short of the reader's expectations. Unfortunately, the chapter *“Sovremennoe nemetskoe rossievedenie: spetsifika diskursa, tematicheskie polia i protsess institucionalizacii”* is a mere compilation of superficially adapted facts, conclusions and ideas mostly taken from other works. V. V. Ageeva and M. A. Shtanko do not seem to have paid attention to the fact that some of the data they draw on have already lost its actuality. Statistical material serves largely to confirm their own postulates, and most references to German historians and their studies are inaccurate and misspelled, which does not enhance comprehension. Overall, the reader gets the impression that the authors were due to finish their work under some time pressure. This probably would explain why they chose “to take the easy way out” — in the end, the welcoming innovative theses expressed at the beginning of the chapter are abandoned, whereas outdated clichés — confirmed.

Keywords: historiography, *rossievedenie*, historical Russian studies abroad, German historical Russian studies, history of Russia in Germany, 1975–2014.

По мнению московского историка Б. Л. Хавкина, «немцы были и остаются одними из наиболее наблюдательных и глубоких зарубежных россиеведов»¹. С недавних пор можно говорить о появлении встречного интереса. Исследовательские результаты германской русистики оказались под пристальным вниманием российских историков, а ее развитие, тенденции и тематика анализируются и подвергаются не менее критичным и порой эмоциональным комментариям.

Зачем нам нужна еще одна монография по зарубежной русистике? На мой взгляд, прежде всего по одной причине: каждая новая работа, как отметила С. Б. Ульянова в послесловии к недавно вышедшей под редакцией томской исследовательницы Н. В. Трубниковой коллективной монографии *«Изучение России современными историками Запада и Востока»*², улавливает не только настроение сегодняшнего дня — она способна к гораздо большему, поскольку «каждое наше высказывание о прошлом — это <...> выбор будущего»³. Я предлагаю посмотреть на опубликованные в названной монографии очерки о современном историческом

¹ Хавкин Б. Л. Германские исследования России // Зарубежное россиеведение. М., 2014. С. 432.

² Изучение России современными историками Запада и Востока / под ред. Н. В. Трубниковой. М., 2019.

³ Ульянова С. Б. Послесловие // Там же. С. 257.

россиеведении как на некий «барометр» общего течения и направлений, увидеть в них причины особого интереса, побуждающие к комментированию.

Присоединяясь к мысли Б. Л. Хавкина, хотелось бы сосредоточить свое внимание на тексте В. В. Агеевой и М. А. Штанько, посвященном немецкой русистике⁴. Глава «Современное немецкое руссиеведение: специфика дискурса, тематические поля и процессы институционализации» состоит из четырех разделов. Первые два из них — «Институционализация современного немецкого руссиеведения» и «Тематические и методологические тренды немецкого руссиеведения на рубеже XX–XXI вв.» — содержат классическое реферативное введение⁵. Читателя знакомят с основными вехами 300-летней традиции немецкоязычного изучения истории Восточной Европы и России: дают краткую информацию о главных университетских и внеуниверситетских исследовательских центрах, об обстоятельствах создания этих учреждений, о составе их научного руководства и тематических и методологических направлениях, обусловленных, как правило, такими координатами, как место, время, и, что не менее важно, вытекающими из последних личными предпочтениями. Если обобщить содержание этих разделов, то можно сказать, что современные немецкие русисты, как и специалисты по западноевропейской истории, следовали практически одним и тем же историографическим тенденциям: в опоре на школу «Анналов», социологию власти М. Вебера и различные современные теории социальной истории с последовавшим постепенным отказом от «больших» объяснительных моделей и обращением к методологическому плюрализму и междисциплинарности. Различия обосновываются недавним историческим прошлым Германии — «Третьим Рейхом» и последовавшими разделением и воссоединением страны.

Сердцевину содержания обзора образует раздел «Периодизация современного немецкого руссиеведения»⁶. Авторы, что одновременно вызывает интерес и повышает ожидания, отступили от традиционной для послевоенной немецкой историографии периодизации. Предпочтя политическим критериям теоретико-методологические, они отказались от классической дихотомии (1945/49–1989/90 гг. и период с 1990-гг.), предложив более дробное деление новейшей истории Германии: 1975–1989/90 гг., 1990–2005 гг., 2005–2014 гг. Нововведение в данном контексте представляет собой внимание к 2005 г. По мнению В. В. Агеевой и М. А. Штанько, состоявшаяся в этом году смена правительства, когда «весь мир стал свидетелем внешнеполитической интеграции, которая ознаменовалась поворотом Германии в сторону США во внешнеполитических отношениях»⁷, дала начало новой фазе в немецкой исторической русистике.

Цель четвертого (последнего) раздела «Geschichte Russlands в немецкоязычной исторической периодике» — подкрепить сделанные в предыдущей части наблюдения статистическими данными⁸. На примере журналов «Jahrbücher für Geschichte Osteuropas» и «Osteuropa» авторы, осуществив контент-анализ, построенный на

⁴ Агеева В. В., Штанько М. А. Современное немецкое руссиеведение: специфика дискурса, тематические поля и процессы институционализации // Там же. С. 117–148.

⁵ Там же. С. 117–124.

⁶ Там же. С. 124–141.

⁷ Там же. С. 124.

⁸ Там же. С. 141–148.

тематических и методологических критериях, представили актуальные тенденции немецкоязычной исторической русистики.

В. В. Агеева и М. А. Штанько – достаточно опытные историографы, уже опубликовавшие ряд работ об англо-американской, а также о немецкой исторической русистике⁹. Однако для критического осмысления историографических традиций чужой страны от ученого требуется не только соответствующее знание иностранного языка. Едва ли не таким же решающим условием является понимание национальных особенностей науки и специфики функционирования исследовательских институтов. Осведомленность о последнем играет не меньшую роль в формировании мнения, чем информированность о состоянии внешнеполитических взаимоотношений и научных трендах.

С одной стороны, разумеется, концентрация на языковых шероховатостях, тем более когда речь идет не о лингвистической работе, не должна определять критический дискурс. С другой стороны, такого рода погрешности отвлекают читателя от самого содержания текста, что здесь, к сожалению, и случилось. В ссылках на немецкоязычные публикации и именах научных деятелей допущены опечатки. Названия книг и статей не всегда узнаваемы, а похоже звучащие фамилии могут стать поводом для недоразумений. Например, авторы связывают обращение к социально-историческим темам в немецкой исторической русистике среди прочих имен с Д. Нойтатцом (D. Neutatz), тогда как соответствующая ссылка указывает на две публикации Ю. Нецольда (J. Nötzold)¹⁰. Названных ученых разделяет не только целое поколение исторической науки, но и научные интересы: уроженец Австрии Д. Нойтатц, специалист по истории немецких меньшинств в странах Восточной Европы и России, возглавляет с 2003 г. кафедру новой и восточноевропейской истории в университете Фрайбурга. Научная карьера Ю. Нецольда началась уже в 1960-е гг. в мюнхенском институте исследования Восточной Европы.

Не совсем удачным представляется выбор некоторых понятий. В частности, это относится к некорректному употреблению семантической пары «немецкоязычный/германоязычный»¹¹. Понятие «немецкоязычный историк» используется по отношению к историку, излагающему свои исследовательские результаты на немецком языке и при этом обычно (но не обязательно) происходящему из немецкоязычного пространства (т. е. из Германии, Австрии, Лихтенштейна или немецкоязычных областей Швейцарии, Люксембурга или Бельгии). Слово же «германоязычный» подразумевает наличие еще одного германского языка, кроме немецкого, однако на изучение истории России в научно-исследовательских институтах Нидерландов, Скандинавии или Великобритании представленный обзор не распространяется.

Малоубедительным является (хотя бы для немецкоговорящего читателя) употребление терминов «россиеведение» и «россиевед». Понятие «россиеведение» недостаточно ясно транслирует смысл английского или немецкого термина «Russian

---

⁹ Агеева В. В. Современное Англо-американское россиеведение как когнитивный ресурс исследования российской национальной идентичности // Вестник науки Сибири. 2015. № 2 (17). С. 28–36; Агеева В. В., Минасян С. П. Современное американское россиеведение: проблематика, концепции, мнения // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2014. № 6–1. С. 160–162; Штанько М. А. Современное германское россиеведение: транзиты междисциплинарности // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2013. № 4. С. 251–253.

¹⁰ Агеева В. В., Штанько М. А. Современное немецкое россиеведение. С. 127.

¹¹ Там же. С. 126, 127, 136, 138, 139.

Studies)/«Russlandstudien». В отношении гуманитарных наук эти понятия обозначают так называемые комбинированные учебные программы, при прохождении которых учащиеся, как правило, прикрепляются к двум-трем факультетам или институтам вместо привычного для российской образовательной системы одного. Но, что более важно в данном случае, компонент *-ведение (-kunde)* ассоциируется в немецком языке преимущественно с научно-популярным, часто поверхностным взглядом на феномены и природно-культурные явления. Из области исторических и общественных наук в голову приходят такие понятия, как «страноведение» и «краеведение» (Landes- und Heimatkunde).

Иначе говоря, если мы обращаемся к немецкоязычной исторической русистике, то термин «россиеведение» (что означает не что иное как Russlandkunde) не может в полной мере передать, что речь идет о серьезной науке, которой занимаются в университетах и других исследовательских центрах. Я сомневаюсь, что российские специалисты по всеобщей или зарубежной истории одобрили бы название англо-, американо- или германовед. В связи с этим более предпочтительными из вошедших в обиход понятий мне представляются «историческая русистика» и «русист», используемые авторами обзора в качестве синонимов для терминов «россиеведение» и «россиевед».

Перейду теперь к замечаниям, касающимся непосредственно содержания обзора. Внимательному читателю бросается в глаза прежде всего одно — диссонанс между объявленным и изложенным. Удивляют не только выбранные авторами тематические акценты, но и достаточно частые отклонения от заданных ими самими хронологических рамок. Тому и другому находится вполне логичное объяснение: посвященная современной немецкой исторической русистике глава В. В. Агеевой и М. А. Штанько является не просто обзором. Строго говоря, мы имеем дело с обзором обзоров, в основу которого положены следующие работы: опубликованная в 2003 г. статья челябинского историка О. Ю. Никоновой «Как чувствует себя “приговоренный к смерти”, или Германское россиеведение на рубеже веков», защищенная А. Г. Дорожкиным в 2005 г. в МПГУ докторская диссертация «Экономическое и социальное развитие в России второй половины XIX — начала XX в. в германоязычной историографии», а также вышеупомянутая глава Б. Л. Хавкина «Германские исследования России»¹². При этом нужно не столько ставить вопрос о корректном или некорректном цитировании, сколько говорить о другой вытекающей из этого проблеме. Чрезмерная привязанность к образцам (тем более что сочинения А. Г. Дорожкина и О. Ю. Никоновой не имеют обобщающего характера и написаны с учетом определенной проблематики) в какой-то мере сужает кругозор. Таким образом, авторы упустили шанс представить новые, самостоятельно полученные исследовательские результаты, и обещание дать именно обзор современной немецкой исторической русистики выполняется лишь частично.

Работы А. Г. Дорожкина и О. Ю. Никоновой создавались в начале тысячелетия. Невзирая на это, В. В. Агеева и М. А. Штанько полностью заимствовали приведен-

---

¹² Дорожкин А. Г. Экономическое и социальное развитие в России второй половины XIX — начала XX в. в германоязычной историографии. М., 2005; Никонова О. Ю. Как чувствует себя «приговоренный к смерти», или Германское россиеведение на рубеже веков // Исторические исследования в России — II. Семь лет спустя. М., 2003. С. 448–479; Хавкин Б. Л. Германские исследования России. С. 432–451.

ные в них данные о немецких ученых, не проверив их актуальности. Однако в последние 15 лет кадровый состав перечисленных там исследовательских институтов существенно обновился. Приведем лишь несколько примеров. В настоящий момент Институтом восточноевропейской истории и страноведения Университета Тюбингена руководит К. Гества (K. Gestwa), специалист в области истории науки, техники и истории экологии Советского Союза и стран Восточной Европы, а его предшественник Д. Бейрау (D. Beugau) ушел на пенсию еще в 2007 г. Профессором в отставке уже является и В. Айхведе (W. Eichwede), а действующий при Бременском университете центр исследований Восточной Европы больше десятилетия возглавляет С. Шаттенберг (S. Schattenberg). В университете Виадрины во Франкфурте-на-Одере В. Бенекке (W. Bennecke) в 2013 г. сменил К. Шлегеля (K. Schlögel), а в Билефельде профессором истории Восточной Европы с 2017 г. является Ф. Грюнер (F. Grüner).

И в следующем разделе, посвященном периодизации немецкой исторической русистики, чувствуется некое сходство с вышеупомянутыми разысканиями. Вторая, охватывающая 1990–2005 гг. часть является кратким обзором изложения О. Ю. Никоновой оценок тоталитаризма и сталинизма в трудах немецких русистов. Без обращения к тексту последней содержание данного раздела, к сожалению, не всегда может быть понятно. Это объясняется тем, что авторы пытались подчинить написанное преимущественно по тематическим критериям сочинение достаточно жестким временным рамкам, причем ссылки О. Ю. Никоновой на исследование 1970–1980-х гг. заимствованы без всякого разъяснения или комментария¹³. Следующий раздел «Третий этап развития немецкого россиеведения (2005–2010-е гг.)» является самостоятельной работой и отличается соответствующей краткостью¹⁴. Короткое перечисление характерных для данного периода исследовательских тенденций обходится без приведения подтверждающих примеров, авторы лишь ссылаются на ряд публикаций 1960–1970-х гг. (!) ушедших на пенсию сотрудников тюбингенского Института восточноевропейской истории и страноведения. Более того, не упоминаются ни авторы, ни труды, которые могли бы поддержать выдвинутый в начале тезис о значении 2005 г. для дальнейшего развития немецкой исторической науки. Таким образом, возникает впечатление, что именно в этом и заключается главный смысл данного раздела: он служит утверждению мнения, настолько устоявшегося и однозначного, что оно не нуждается в дополнительном обосновании.

Такие же однозначные взгляды должны формироваться и у читателя, полностью опирающегося на полученную из обзора В. В. Агеевой и М. А. Штанько информацию: в своей методологической и методической направленности немецкая историческая русистика прошлых десятилетий следовала доминирующим в международной исторической науке трендам. Если говорить об исследуемых эпохах, то ученые концентрируются на сюжетах XX в. В начале предпочитаемой тематикой являлись социально-экономическое состояние поздней Российской империи и пути его развития. На рубеже нового тысячелетия, когда на фоне разрядки международной напряженности российско-германские отношения переживали фазу дружественного расцвета, «осмелевшие» историки взялись за рассмотрение более дискуссионных тем: например, за изучение сталинизма или преступлений вермахта

¹³ Агеева В. В., Штанько М. А. Современное немецкое россиеведение. С. 136–137.

¹⁴ Там же. С. 140–141.

в зоне оккупации в 1941–1944-х гг. После 2005 г. новый внешнеполитический курс Германии стал причиной очередного отдаления от Москвы, готовность относиться с пониманием и симпатией к сложному партнеру резко уменьшилась, что нашло прямое (авторами обзора необоснованное или с помощью приведения примеров не разъясненное) отражение на исследовательских интересах немецких русистов.

Достаточный аргумент для подтверждения верности своего анализа авторы видят в вышеупомянутой статистике: ее данные указывают на преобладание в немецкой русистике тематики истории Новейшего времени. Подобное наблюдение затрагивает в первую очередь журнал «*Osteuropa*», где сюжеты, освещающие события истории XVIII–XIX вв., составляют всего лишь 1 % опубликованных в течение последних 15 лет материалов. В принципе, это неудивительно: «*Osteuropa*» не позиционирует себя как чисто исторический журнал, главная его направленность — междисциплинарная, обществоведческая. Касательно «*Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*», представляющего собой классический исторический журнал, соотношение более умеренное: 55 % вышедших после 2010 г. статей посвящены советскому и постсоветскому периодам, все остальные статьи имеют дело с дореволюционным временем. Причем авторы не отметили (возможно, потому что это не очень соответствует объявленным ими выводам) по-прежнему неугасающий интерес к более ранней истории России: в четверти сравнительно недавних публикаций рассматриваются проблемы истории Киевской Руси, Московского государства, а также Российской империи XVIII в.

Предлагаю еще раз обратиться к послесловию. Здесь нам кажется ключевым моментом ответ С. Б. Ульяновой на вопрос о том, какие мы связываем надежды с изучением зарубежной исторической русистики. С ее точки зрения, скрывающийся в анализе мнений иностранных специалистов о российском прошлом потенциал выходит далеко за пределы саморефлексии. В подобном дискурсе она видит, кроме «возможности самоидентификации», прежде всего способ «постичь “Другого” (не превращая его в “Чужого”）」¹⁵. В отношении последнего пункта я не уверена, почувствовали ли В. В. Агеева и М. А. Штанько тонкую грань между данными понятиями.

Немецкая историческая русистика, бесспорно, ставит акцент на XX в. Причины, особенно когда речь идет об экзотических и вызывающих сюжетах, не всегда следует искать в политических пристрастиях того или иного автора или в его заигрывании с модными методологическими подходами и взглядами. Стоящий за этим мотив зачастую гораздо проще. Русисты склоны прибегать к новым темам, чтобы компенсировать исчезновение исследовательских лакун и остаться конкурентоспособными в условиях ускоряющейся гонки за публикациями. Недостаточная глубина или результативность работ подчас обусловлены взглядом со стороны, но не только: так называемая «архивная революция» 1990-х гг. не обернулась беспрепятственным доступом к свежей информации, как надеялись многие западные ученые.

Изучение тоталитаризма, и в том числе осмысление собственного прошлого, занимает важное место в послевоенной исторической науке Германии. Соответственно, и немецкие русисты уделяют немало внимания российскому или, точнее, советскому варианту этого феномена. Однако говорить об абсолютном домини-

---

¹⁵ Ульянова С. Б. Послесловие. С. 260.

ровании изучения сталинизма тоже нельзя. Отмеченная авторами обзора концентрация на событиях 1929–1953 гг. в значительной мере является результатом своеобразного моментального снимка: в начале тысячелетия (когда и вышла статья О. Ю. Никоновой) тема действительно переживала пик популярности среди немецких специалистов по истории России. Но о том, что те же самые ученые — Й. Баберовски (J. Baberowski), К. Гества (K. Gestwa), М. Хильдермайер (M. Hildermeier), Ш. Плаггенборг (S. Plaggenborg), С. Шаттенберг (S. Schattenberg) — с не меньшей интенсивностью исследовали и продолжают исследовать проблемы иных эпох, здесь почему-то не сказано¹⁶.

Немецкая историческая русистика более разнообразна, чем представленная в обзоре картина. В. В. Агеева и М. А. Штанько прежде всего ссылаются на ученых, чья академическая карьера наиболее активно развивалась в 1970–1990-х гг. и в ряде случаев в начале 2000-х гг. Несмотря на происходившую в последнее десятилетие во многих исследовательских институтах смену поколений, мало замеченными остались молодые, но не менее перспективные русисты. Их научные достижения как раз стоило бы обсуждать в разделе, выделенном исторической русистике периода 2005–2014 гг. Также без внимания остались медиевистика и исследования раннего Нового времени, однако проблемам истории Российской империи этой эпохи посвящен целый ряд вышедших в последние годы публикаций достаточно известных и за пределами Германии русистов¹⁷.

Изучение истории чужой страны всегда страдает некой вторичностью взглядов и недостаточной осведомленностью. Кроме того, здесь критериями для формирования научных интересов в меньшей степени являются личные предпочтения. Прежде всего выбор диктуется набором случайных факторов, таких как «врастание» в ту или иную научную школу, направленность которой, в свою очередь, определяют академические связи и зарубежные контакты факультета или института. Отсюда и возникает эта своеобразная «разбросанность» немецких русистов: в отличие от своих российских коллег, нередко отдающих всю научную жизнь скрупулезному изучению одной темы, они являются не столько экспертами, сколько «универсалистами». Пожалуй, только в таком контексте может быть оправдан коммен-

¹⁶ Baberowski J. Autokratie und Justiz. Zum Verhältnis von Rechtsstaatlichkeit und Rückständigkeit im ausgehenden Zarenreich, 1864–1914. Frankfurt am Main, 1996; Gestwa K. Proto-Industrialisierung in Russland. Wirtschaft, Herrschaft und Kultur in Ivanovo und Pavlovo 1741–1932. Göttingen, 1999; Gestwa K., Ananieva A. Mythos Erinnerung: Russland und das Jahr 1812. Berlin, 2013; Hildermeier M. Traditionen der Aufklärung in der russischen Geschichte // Interdisziplinarität und Internationalität. Wege und Formen der Rezeption der französischen und der britischen Aufklärung in Deutschland und Russland im 18. Jahrhundert. Mainz, 2004. S. 1–16; Plaggenborg S. Pravda. Gerechtigkeit, Herrschaft und sakrale Ordnung in Altrussland. München, 2018; Schattenberg S. Die korrupte Provinz? Russische Beamte im 19. Jahrhundert. Frankfurt am Main, 2008.

¹⁷ См., напр.: Ширле И. Понятие политического в России XVIII в. // Вестник Московского университета. Серия 12. 2018. № 2. С. 7–33; Aust M. Adlige Landstreitigkeiten in Russland. Eine Studie zum Wandel der Nachbarschaftsverhältnisse 1676–1796. Wiesbaden, 2003; Feest D. Ordnung schaffen. Bäuerliche Selbstverwaltungen und Obrigkeit im ausgehenden Zarenreich (1834–1889). Wiesbaden, 2018; Kusber J. Eliten- und Volksbildung im Zarenreich während des 18. und in der ersten Hälfte des 19. Jahrhunderts. Studien zu Diskurs, Gesetzgebung und Umsetzung. Stuttgart, 2004; Puttkamer J. Kulturkontakte und Großmachtinteressen. Weimar im Blickfeld russischer Heiratspolitik. Frankfurt am Main, 2005. S. 17–34; Renner A. Russische Autokratie und Europäische Medizin. Organisierter Wissenstransfer im 18. Jahrhundert. Stuttgart, 2010; Winkler M. Das Imperium und die Seeotter: Die Expansion Russlands in den nordpazifischen Raum, 1700–1867. Göttingen, 2016.

тарий авторов, согласно которому в Германии «каждый институт, кафедра или профессура по истории Восточной Европы <...> имеет собственную “изюминку”»¹⁸.

Взаимоинформированность способствует уменьшению предрассудков. Историку, хотя он и не обязан этого делать, следует воздерживаться от политизации и предвзятости. К сожалению, избежать этого недостатка авторам не удалось: их обзор немецкой исторической русистики является (невольнo) тенденциозным. Главная цель — рассмотреть научные труды немецких русистов, «используя исключительно теоретико-методологические критерии»¹⁹, — реализована не в полном объеме. Идею подобного обзора можно только поддержать, однако в данном случае из-за отсутствия конкретных примеров и ссылок на публикации последних 15 лет она осталась во многом на уровне декларации. Для типологизации в итоге применялись преимущественно политические критерии. Таким образом, главное, что запомнится читателю, это, думается, не слишком уместный для историографического обзора намек авторов на напряженность в нынешних российско-германских отношениях.

References

- Ageeva V. V. Contemporary Anglo-American Russian Studies as a Cognitive Resource for Researching Russian National Identity. *Vestnik nauki Sibiri*. 2015, no. 2 (17), pp. 28–36. (In Russian)
- Ageeva V. V., Minasian S. P. Contemporary American Russian Studies: Problems, Concepts, Opinions. *Aktual'nye problemy gumanitarnykh i estestvennykh nauk*. 2014, no. 6–1, pp. 160–162. (In Russian)
- Ageeva V. V., Shtan'ko M. A. Modern German Russian Studies: Specifics of Discourse, Thematic Fields and Institutionalization. *Izucheniye Rossii sovremennymi istorikami Zapada i Vostoka*. Ed. by N. V. Trubnikova. Moscow, Kvadriga Publ., 2019, pp. 117–148. (In Russian)
- Aust M. *Adlige Landstreitigkeiten in Russland. Eine Studie zum Wandel der Nachbarschaftsverhältnisse 1676–1796*. Forschungen zur osteuropäischen Geschichte, Bd. 60. Wiesbaden, Harrassowitz Publ., 2003, 238 S.
- Baberowski J. *Autokratie und Justiz. Zum Verhältnis von Rechtsstaatlichkeit und Rückständigkeit im ausgehenden Zarenreich, 1864–1914*. Frankfurt am Main, Klostermann Publ., 1996, 845 S.
- Dorozhkin A. G. *Economic and Social Development in Russia in the Second Half of the 19th – Early 20th Century in German-language Historiography*. Dis. ... d-ra ist. nauk. Moscow, 2005, 550 p. (In Russian)
- Feest D. *Ordnung schaffen. Bäuerliche Selbstverwaltungen und Obrigkeit im ausgehenden Zarenreich (1834–1889)*. Forschungen zur osteuropäischen Geschichte, Bd. 83. Wiesbaden, Harrassowitz Publ., 2018, 358 S.
- Gestwa K., Ananieva A. 1812 in Russland und Europa: Inszenierung, Mythen, Analyse. *Mythos Erinnerung: Russland und das Jahr 1812*. (Osteuropa, Bd. 63, Nr. 1). Berlin, Berliner Wissenschafts-Publ., 2013, S. 3–14.
- Gestwa K. *Proto-Industrialisierung in Rußland. Wirtschaft, Herrschaft und Kultur in Ivanovo und Pavlovo 1741–1932*. Veröffentlichungen des Max-Planck-Instituts für Geschichte, Bd. 149. Göttingen, Vandenhoeck & Ruprecht Publ., 1999, 680 S.
- Hildermeier M. Traditionen der Aufklärung in der russischen Geschichte. Interdisziplinarität und Internationalität. *Wege und Formen der Rezeption der französischen und der britischen Aufklärung in Deutschland und Russland im 18. Jahrhundert*. Mainz, Von Zabern Publ., 2004, S. 1–16.
- Khaykin B. L. German Russian Studies. *Zarubezhnoe rossievedenie. Uchebnoe posobie*. Ed. by A. B. Bezborodov. Moscow, Prospekt Publ., 2014, pp. 432–451. (In Russian)

¹⁸ Ageeva B. B., Штанько М. А. Современное немецкое россиеведение. С. 118.

¹⁹ Там же. С. 124.

- Kusber J. *Eliten- und Volksbildung im Zarenreich während des 18. und in der ersten Hälfte des 19. Jahrhunderts. Studien zu Diskurs, Gesetzgebung und Umsetzung*. Quellen und Studien zur Geschichte des östlichen Europas, no. 65. Stuttgart, Franz Steiner Publ., 2004, 497 S.
- Nikonova O. Iu. How Does It Feel To Be “Condemned to Death”, or German Russian Studies at the Turn of the Century. *Istoricheskie issledovaniia v Rossii — II. Sem' let spustia..* Moscow, AIRO-XX Publ., 2003, pp. 448–479. (In Russian)
- Plaggenborg S. *Pravda. Gerechtigkeit, Herrschaft und sakrale Ordnung in Altrussland*. München: Wilhelm Fink Publ., 2018, 395 S.
- Puttkamer J. v. Kulturkontakte und Großmachtinteressen. Weimar im Blickfeld russischer Heiratspolitik. *Von Petersburg nach Weimar. Kulturelle Transfers von 1800 bis 1860*. (Jenaer Beiträge zur Geschichte 9). Frankfurt am Main, Peter Lang Publ., 2005, S. 17–34.
- Renner A. *Russische Autokratie und Europäische Medizin. Organisierter Wissenstransfer im 18. Jahrhundert*. Medizin, Gesellschaft und Geschichte, Bd. 34. Stuttgart: Steiner Publ., 2010, 373 S.
- Schattenberg S. *Die korrupte Provinz? Russische Beamte im 19. Jahrhundert*. Frankfurt am Main: Campus Publ., 2008. 294Sp.
- Shirle I. The Concept of the Political in 18th Century Russia. *Vestnik Moskovskogo universiteta*. Seria 12, 2018, no. 2, pp. 7–33 (In Russian)
- Shtan'ko M. A. Modern German Russian Studies: Transits of Interdisciplinarity. *Gumanitarnye, social'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki*. 2013, no. 4, pp. 251–253. (In Russian)
- Ul'ianova S. B. Epilogue. *Izuchenie Rossii sovremennymi istorikami Zapada i Vostoka*. Ed. by N. V. Trubnikova. Moscow, Kvadriga Publ., 2019, pp. 257–260. (In Russian)
- Winkler M. *Das Imperium und die Seeotter: Die Expansion Russlands in den nordpazifischen Raum, 1700–1867*. Göttingen, Vandenhoeck & Ruprecht Publ., 2016, 357 S.

Статья поступила в редакцию 17 февраля 2020 г.

Рекомендована в печать 9 сентября 2020 г.

Received: February 17, 2020

Accepted: September 9, 2020